

Святой прапорщик

Александр Кибовский

Среди тех, кто носил офицерские эполеты, были не только военачальники, но и поэты, и композиторы, и художники, и даже духовные лица. Благодаря повести Николая Лескова «Инженеры-бессребреники» многие узнали о судьбе святителя Игнатия, в миру — военного инженера Дмитрия Брянчанинова. В мае исполняется 150 лет со дня его смерти.

Внешний облик святителя Игнатия известен по его прижизненным портретам. На их основе за последние 29 лет появились разные иконописные традиции. Все они, естественно, представляют святителя в духовном сане. Между тем существовал его ранний портрет, еще до пострига. О нем упоминает племянник Николай Брянчанинов в письме 3 мая 1876 года к давнему другу святителя Павлу Яковлеву: «По поручению Вашему я навел справку: где именно находится портрет покойного Преосвященного Игнатия, снятый в дни его молодости в военной форме. На днях я только что узнал, что он находится здесь, в Петербурге, у моего двоюродного брата, Алексея Петровича Брянчанинова».

Станковая копия акварельного портрета Дмитрия Брянчанинова, выполненная Платоном Тюриным по оригиналу Михаила Теребенева в 1867 году. Тверская областная картинная галерея. Ранее: Портрет молодого офицера.

Портрет, ошибочно выдаваемый за подпоручика Брянчанинова

Таким образом, в семье Брянчаниновых имелся портрет святителя еще в мундире военного инженера. Но им никак не может быть тот усатый франт в погонах, который с чьей-то легкой руки гуляет по разным изданиям и интернету. Достаточно сказать, что усы инженерным офицерам разрешили носить лишь с 1832 года, когда Игнатий был уже иеромонахом, а галунные погоны и вовсе ввели только во время Крымской войны.

Подлинный же портрет нашелся самым неожиданным образом.

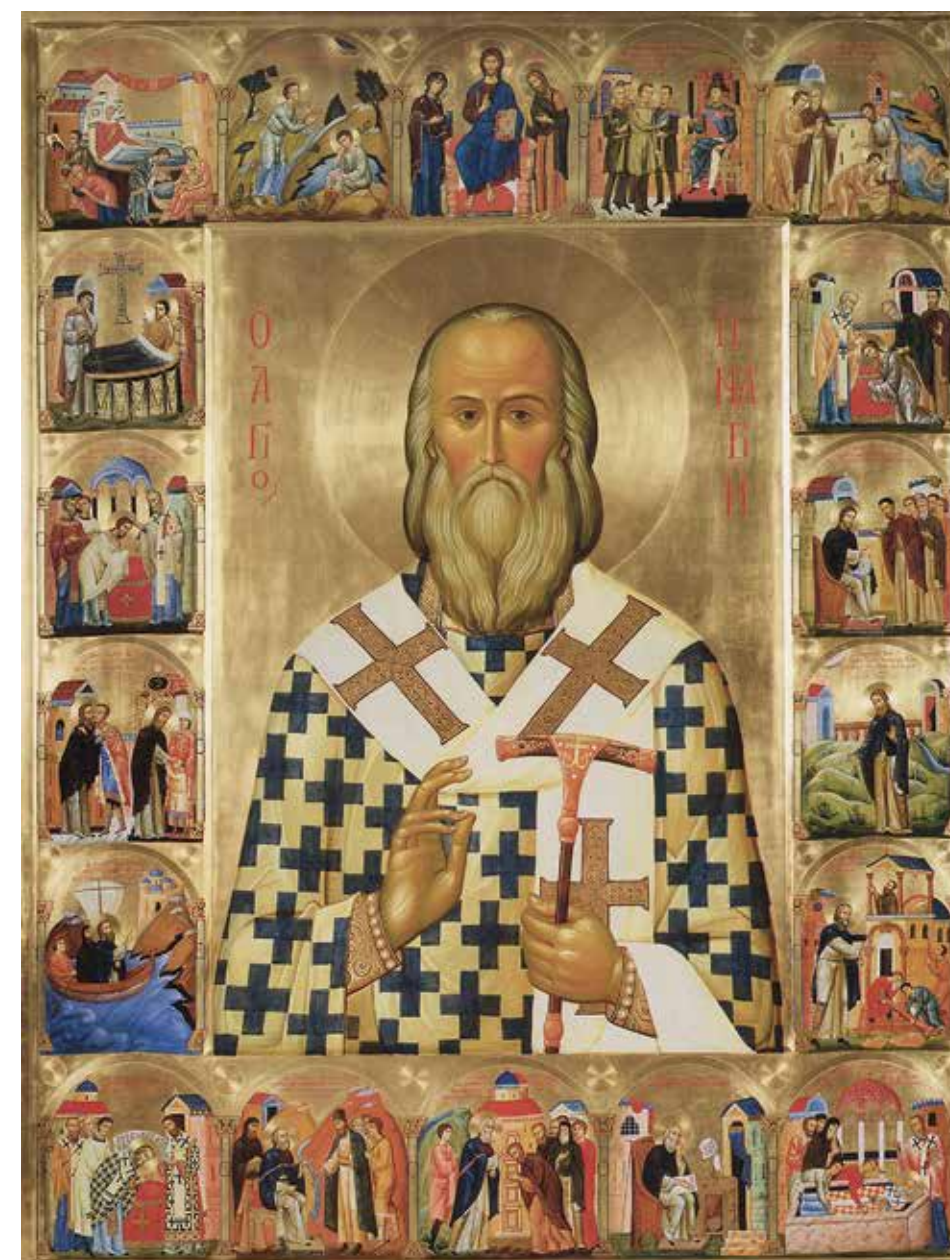
В 2008 году Тверская областная картинная галерея провела выставку «Во славу Отечества». На ней мое внимание привлек портрет неизвестного молодого офицера кисти Платона Тюрина. Картина имела много странностей. По краям овального изображения художник сделал две надписи: «С акварели Теребенева, рисован: 1825 года» и «Вологда 1867 года Академик П. Тюрин».

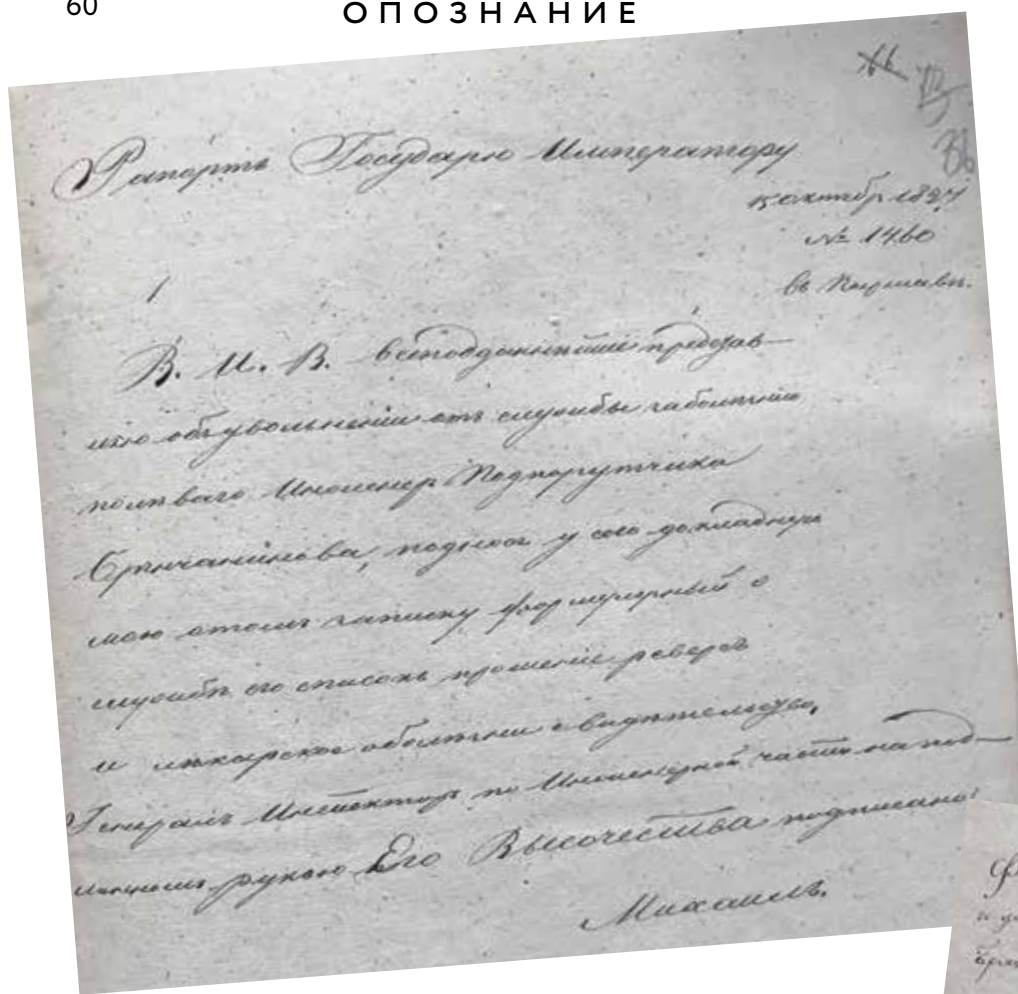
Но Теребнев писал легкой акварелью камерные портреты. Кому и зачем пришлось в голову спустя 42 года заказать большую (75,5 x 62,5 см) станковую копию?! Ведь проще заказать свой актуальный портрет. К тому же при копировании Тюрин допустил ряд ошибок. Звездочки на офицерских эполетах появились только с 1 января

Лучшие ученики получали чин инженер-прапорщика

1827 года, а гербовые пуговицы на мундирах установили лишь 26 декабря 1829 года. Причем полевым инженерам они полагались не с орлом, а с пылающей гранатой. Да и самих орлов Тюрин изобразил с поднятыми крыльями, как было

Житийная икона святителя Игнатия Брянчанинова. Иконописец Алексей Козлов, 2007 год Троице-Сергиева пустынь. На верхнем клейме (второе справа) подпоручик Брянчанинов просит Николая I уволить его от военной службы для иночества.

Документы о военной службе инженер-подпоручика Дмитрия Брянчанинова. Российский государственный военно-исторический архив

принято уже при Александре II, с 29 мая 1857 года. В нижней части портрета художник добавил поясной шарф с перехватом (гайкой) образца, установленного 15 марта 1855 года. Весь этот ералаш позволял только гадать, что на портрете осталось от Теребенева, а где домыслы самого Тюриня.

Минуло несколько лет. 5 июня 2013 года в Лондоне аукционный дом MacDougall's Fine Art Auctions провел очередной Russian Art Auction. Каково же было мое удивление, когда в числе проданных лотов под № 586 я обнаружил... ту самую акварель Михаила Теребенева 1825 года! Как и следовало ожидать, на акварели не оказалось ни эполетных звездочек, ни гербовых пуговиц, ни поясного шарфа. На небольшом листе (19 × 14,5 см) в полном соответствии с правилами формы одежды был изображен юный обер-офицер Инженерного корпуса.

Появление акварели заставило вернуться к странной копии 1867 года и снова заняться поиском имени персонажа. Обычно юные офицеры

заказывали такие портреты в связи с получением первого чина прапорщика. В пользу этой версии говорило и то, что Теребнев работал в Петербурге. То есть он исполнил акварель не где-то в дальней крепости, а в столице, где как раз и находилась кузница инженерных кадров — Главное инженерное училище.

В нем существовала своя особая система. Лучшие ученики после завершения кондукторского курса получали чин инженер-прапорщика. Но при этом их не отправляли в войска, как воспитанников других кадетских корпусов, а оставляли для дополнительного обучения в двух офицерских классах. Через год наименее успевающих выпускали из нижнего класса в саперные и пионерные батальоны.

ДМИТРИЙ БРЯНЧАНИНОВ родился 5 февраля 1807 года в фамильной усадьбе Покровское Грязовецкого уезда Вологодской губернии. С детства мальчик имел склонность к уединению, духовному чтению и молитвам. Но строгий отец не воспринял желание Дмитрия постричься в монахи. Летом 1822 года он отвез сына в Петербург, где тот блестяще сдал вступительные экзамены в Главное инженерное училище и 19 января 1823 года был зачислен сразу кондуктором в старшую, кондукторскую роту. Своими знаниями юноша привлек внимание генерал-инспектора по инженерной части великого князя Николая Павловича. Будущий император назначил его своим пансионером. 13 декабря 1824 года Дмитрий был произведен в инженер-прапорщики

и в числе лучших учеников оставлен для продолжения образования в офицерских классах. 26 декабря 1825 года был повышен в подпоручики и после окончания училища назначен в столичную инженерную команду.

Когда его покровитель стал императором Николаем I, по заведенному порядку сразу пошли в рост все близкие ему люди. Но Дмитрий, покинув училище, написал прошение об отставке с целью поступить в монастырь. Это оказалось полной неожиданностью для Николая I. Его младший брат великий князь Михаил Павлович вызвал Брянчанинова к себе и от имени императора предложил юноше перевод в гвардию, что сразу повысило бы его еще на два чина. Но Дмитрий принял решение отказаться от мирской суеты.

Инженер-прапорщик
Дмитрий Брянчанинов. 1825 год
Акварель кисти М. И. Теребенева.
Продана на аукционе в Лондоне
5 июня 2013 года за £3900.
Ранее: Портрет молодого офицера

А лучшие ученики еще через год заканчивали верхний офицерский класс и поступали сразу подпоручиками в Инженерный корпус.

Все это время юные прапорщики, приходившие в училище, носили форму военных инженеров, как показано на портрете. За 1824–1826 годы через офицерские классы прошли 73 человека. Кто-то затем стал генералом, а кто-то погиб. Но ничто не могло объяснить заказ кем-то из них странной копии в Вологде в 1867 году.

И вдруг в списке выпускников 1826 года я встретил имя Дмитрия Брянчанинова. Все сразу встало на свои места! Ведь епископ Игнатий умер 30 апреля 1867 года. Очевидно, в связи с этим печальным событием Тюрину заказали его живописный портрет по акварели, находившейся в вологодской усадьбе Покровское. Возможно, копию заказал сам 83-летний отец Александр Сергеевич Брянчанинов. Но эти

Тогда строптивца отправили из Петербурга в инженерную команду Динабургской крепости, где он тяжело заболел. Осенью 1827 года великий князь Михаил Павлович посетил Динабург, где увидел печальное состояние Брянчанинова. В Российском государственном военно-историческом архиве находится рапорт Михаила брату 15 октября 1827 года, в котором он уже сам ходатайствует об отставке больного Дмитрия. 6 ноября 1827 года Брянчанинов был уволен от военной службы с чином поручика.

Едва выздоровев, он поступил в Александрово-Свирский монастырь послушником к отцу Леониду — будущему основателю старчества в Оптиной пустыни. 28 июня 1831 года епископ Вологодский и Великоустюжский Стефан постриг Дмитрия

в монашество с именем Игнатий в честь священномученика Игнатия Богоносца. В 1832–1833 годах он служил настоятелем Пельшемского Лопотова монастыря.

Николай I не забыл своего пансионера. По его личному решению Игнатий с 1 января 1834 года стал архимандритом и настоятелем Троице-Сергиевой мужской пустыни под Петербургом. Одновременно с 4 мая 1838 года он являлся благочинным всех монастырей Санкт-Петербургской епархии. Однако с 1847 года сильный ревматизм заставил его проситься на покой. Но Николай I никак не соглашался отпустить столь значимого духовного деятеля. Более того, новый император Александр II поручил ему крайне сложную миссию. 27 октября 1857 года Игнатий возглавил очень запущенную и беспокойную Кавказскую и

Черноморскую епархию, которую пришлось фактически заново обустроить, что окончательно подорвало его здоровье.

Наконец, в 1861 году епископ Игнатий был уволен и уехал в Николо-Бабаевский монастырь Ярославской губернии, где до самой смерти 30 апреля (12 мая) 1867 года вел уединенную молитвенную жизнь и создал много известных сочинений. Похоронили его там же, в монастыре, в склепе больничной церкви. Через 121 год Поместный собор Русской православной церкви канонизировал святителя Игнатия, а его мощи были перенесены 26 мая 1988 года из разоренной в советское время обители в Ярославский Толгский монастырь. О святителе написана масса книг и статей. Издано полное собрание его творений и писем в 8 томах.

Фотография портрета Дмитрия
Брянчанинова, принадлежавшая
его ученице Елизавете Шаховой.
Литературный музей
Пушкинского Дома

предположения еще требовалось доказать. Перво-наперво следовало связаться с коллегами из Вологды. Людмила Дмитриевна Коротаяева, многие годы возглавлявшая Вологодский государ-

ственный музей-заповедник, с интересом отнеслась к моему запросу:

— После революции Покровское разделило печальную судьбу многих дворянских усадеб. С 1924 года в ней размещался туберкулезный санаторий «Октябрьские всходы». Часть наследия семьи Брянчаниновых вывезли в Вологду, в музей и библиотеку. Хотя еще в 1960 году усадьбу признали памятником федерального значения, лишь через 37 лет начались реставрационные работы. Тогда имя святителя Игнатия очень помогло ее восстановлению. Усадьбу передали Вологодской епархии, и в 2009 году завершилась реставрация, за которую творческий коллектив получил премию правительства Российской Федерации. Сегодня в усадьбе действует культурно-просветительский и духовный центр. Его экспозицию составляла Марина Геннадьевна Давыдова, которой пришлось собирать материалы из разных музеев и архивов, в том числе из Пушкинского Дома.

Итак, дальнейший поиск вел в Петербург. Заведующая Литературным музеем Пушкинского Дома Лариса Георгиевна Агамалян сначала удивилась моему вопросу. Обычно я ищу портреты генералов, офицеров, сановников, того же Ивана Горголи из предыдущего «Дилетанта». А тут епископ! Тем не менее обещала проверить. Вскоре я получил радостный для меня ответ:

— Действительно, в нашем музее есть портрет святителя Игнатия. Только это не живопись, а черно-белая фотография, которая принадлежала его ученице, поэтессе и духовной писательнице Елизавете Никитичне Шаховой. В 1863 году с благословения святителя она приняла постриг в мантию с именем Мария, а в 1896 году — схиму со своим первым именем Елизавета. В 1915 году ее внучатый племянник Николай Шахов разыскал документы схимницы в Старо-Ладожском женском монастыре, где она в 1899 году окончила свой жизненный путь. Найденные материалы, в том числе и фотографию, Шахов передал к нам, в Пушкинский Дом.

Фамильная галерея в усадьбе
Старые Липы Великолукского уезда
Псковской губернии. 1900-е годы
На стене отдельно висит портрет
Дмитрия Брянчанинова, хранящийся
сегодня в Тверской картинной галерее

Круг замкнулся! На старинной фотографии действительно оказался запечатлен тот самый акварельный портрет 1825 года, проданный на лондонском аукционе. Теперь не оставалось никаких сомнений: и за рубежом, и в Твери находятся связанные между собой портреты Дмитрия Брянчанинова. Акварель, очевидно, была заказана Терebeneву в связи с производством юноши 13 декабря 1824 года в первый офицерский чин инженер-прапорщика. После принятия Игнатием пострига портрет хранился, видимо, в Покровском, у его отца Александра Брянчанинова. После его смерти 19 апреля 1875 года акварель, как мы знаем из письма, оказалась в Петербурге, у внука, Алексея Петровича Брянчанинова, унаследовавшего многие документы о своем дяде-епископе. После же его смерти 27 мая 1907 года все материалы, вероятно и портрет, перешли к двоюродному брату Николаю Семеновичу Брянчанинову.

Судьба акварели после смерти Николая Брянчанинова в 1915 году пока остается загадкой. Возможно, она перешла к его сыну Владимиру, последнему владельцу Покровского. После революции он вместе с семьей эмигрировал и умер во Франции 11 августа 1963 года. Но бежали они впопыхах, еле спаслись от расправы и фамильные портреты вывезти с собой не могли. Внучка Владимира Николаевича Татьяна Александровна

Ватсон, родившаяся в Праге 24 марта 1934 года, живет сегодня в Австралии. С 1994 года она регулярно приезжает в Покровское, внося большой вклад в восстановление храма и усадьбы.

Лично я не сомневаюсь, что через какое-то время акварельный портрет святителя Игнатия найдется и вернется из-за рубежа в Россию. А что же с картиной Тюринна? Какова ее прежняя судьба? Ведь она поступил в Тверскую (тогда Калининскую) галерею в 1938 году из Великолукского музея.

Не сомневаюсь, портрет святителя вернется в Россию

Но как потерявший свое имя портрет там оказался? Ведь прямая связь епископа Игнатия с псковской землей не прослеживается. Снова пишу в Вологду, на сей раз — к уже упомянутой Марине Геннадьевне Давыдовой, и получаю ответ:

— Теперь многое становится понятным. В 1873 году племянник святителя Николай Брянчанинов — тот, что искал его портрет для Яковлева, — женился на Наталье Владимировне Алексеевой. В приданое за богатой невестой он получил усадьбу Гора Великолук-

ского уезда. В 1886–1890 годах Николай был даже уездным предводителем дворянства, а затем в 1890–1893 годах — псковским вице-губернатором. Но, вынужденный оставить усадьбу по делам службы, он передал поместье старшему сыну Александру, который в начале XX века его значительно перестроил и назвал Старые Липы. Сохранилась фотография дворцового зала с фамильной галереей. На ней хорошо видно, как отдельно от других висит тот самый портрет кисти Тюринна. Теперь становится ясным, что после революции его вывезли из Старых Лип в уездный музей, откуда он и попал в 1938 году в Тверь.

Итак, судьба живописной копии 1867 года проявилась. И хотя в истории двух портретов еще остаются белые пятна, мы можем теперь точно представить, как выглядел Дмитрий Брянчанинов до пострига. С акварели Терebeneва на нас смотрит юный инженер-прапорщик. Но в его красивых глазах художник уловил что-то, о чем спустя годы сам святитель Игнатий напишет: «В строгих думах снял я мундир юнкера и надел мундир офицера. Я сожалел о юнкерском мундире: в нем можно было, приходя в храм Божий, стать в толпе солдат, в толпе простолудинов, молиться и рыдать сколько душе угодно. Не до веселый, не до развлечений было юноше! Мир не представлял мне ничего приamanчивого: я был к нему так хладен, как будто мир был вовсе без соблазнов! Точно их не существовало для меня: мой ум был весь погружен в науки, и вместе горел желанием узнать, где кроется истинная вера, где кроется истинное учение о ней, чуждое заблуждений и догматических, и нравственных». ▽

Автор — кандидат исторических наук, руководитель департамента культуры города Москвы